

НАПРАСЛИНА

Давно, когда—то, говорять, жиль баринъ въ деревенькѣ своей, какъ водится, а еще болѣе какъ водилось, съ огромной дворней. Дворня эта съѣдала его совсѣмъ, да дѣлать было нечего — дѣвать ее некуда: не сгонишь. Она досталась ему въ наслѣдство съ четырехсотъ душъ, распавшихся на шесть или на семь частей, по числу наслѣдниковъ. Онъ былъ очень недоволенъ раздѣломъ: ему достались плохенькие мужички и разбойникъ на разбойникѣ изъ дворовыхъ. Пытался было онъ и переводить ихъ на пашню и отпускать на оброкъ, да какъ—то не ладилось и это: дармоѣды все опять сбивались въ кучу въ огромной застольной, выстроенной когда—то на сто человѣкъ дворни, малыхъ и великихъ, съ русскою печью величиною въ скирду сѣна. Все это сердило нашего помѣщика, выводило его изъ терпѣнія, и, правду сказать, жолчь у него частенько чрезъ мѣру разливалась. Онъ привыкъ, по стародавнему обычаю, къ короткой

расправѣ и, къ сожалѣнію, не зналъ въ ней мѣры и не умѣль безъ нея управиться.

Въ домѣ былъ кучеръ, уже въ лѣтахъ, съ тремя сыновьями. Этотъ кучеръ, пользуясь старшинствомъ своимъ, какъ бывшій кучеръ стараго барина, а равно и дурною славою своею, которая говорила, что онъ—де у барина отъ рукъ отбился, бунтовалъ и подымалъ всю дворню, молодцую нахальствомъ своимъ и нерѣдко угрозами такого рода, которыя доставляли ему полное уваженіе всей застольной братіи. Онъ, и пьяный и трезвый, всегда толковалъ о томъ только, что баринъ этотъ никуда не годится и что ему не сдѣлать.

Младшій сынъ кучера, мальчикъ, слабый здоровьемъ и испорченный такимъ отцомъ съ самаго корня, однажды провинился. Баринъ былъ очень сердитъ и наказалъ его, вымѣстивъ при этомъ случаѣ, можетъ быть, на сына и отцовскіе успѣхи. Дѣло было не новое, и никто много обѣ этомъ не заботился, кромѣ отца, кучера, который, продумавъ до вечера, выдумалъ неслыханное и невиданное доселѣ средство, чтобы показать, или утолить — не знаю, какъ и выразиться — свою родительскую

любовь: онъ позвалъ надежныхъ помощниковъ и подручниковъ своихъ, двухъ старшихъ сыновей, и сказалъ имъ: «пойдемте-ка, ребята, да задушимъ Θедьку — то есть младшаго сына — что ужъ, пусть пропадаетъ, все одно; онъ же мальчикъ хилый, жалѣть его нечего — вы двое у меня останетесь. А задушивъ его, въ городъ, да и донесемъ, что засѣкъ его баринъ: вотъ мы ему и всучимъ такую щетинку, что онъ вовѣкъ не раздѣляется.»

Насталъ вечеръ. Видно, старшіе сыновья нашли предложеніе отца очень дѣльнымъ. Всѣ трое выждали время послѣ ужина, когда никого въ избѣ не было, и порѣшили Θедьку.... А сдѣлавъ дѣло, подняли всю дворню, всю деревню, которая ждала только случая, чтобы гласно обнаружить расположеніе свое къ помѣщику, и поскакали въ городъ. Судъ тотчасъ же наѣхалъ. Улика на лицо и такъ ясна, что не въ чемъ сомнѣваться. Барина увезли, prodержали нѣсколько мѣсяцевъ, судили и сослали.

Конечно, барина нѣть. Никто доселѣ не зналъ правды, кромѣ кучера и двухъ сыновей его. Всѣ они трое верховодили

теперь, когда имъніе попало подъ опеку, пуще прежняго и пили безъ просыпу; но никто изъ нихъ, даже пьяный, не проговаривался, не смѣя похвалиться поступкомъ своимъ, какъ водится въ другихъ случаяхъ, даже и передъ своими братьями: дѣло, конечно, выходило изъ ряда вонъ. Злодѣйству этому едва ли можно найти противень.

Настала лѣтняя пора, когда все идетъ на работу, кромѣ малыхъ и старыхъ, когда и лѣнивому не посидится дома и пьяницѣ скучно и стыдно одному на деревнѣ. Дворъ нашего сосланного помѣщика былъ такъ же пустъ, какъ и вся деревня. Одинъ изъ зажиточныхъ крестьянъ сдѣлалъ у себя для покосу помочь, купивъ ведра два вина, и, кто только могъ держать въ рукахъ косу, всѣ были тамъ.

На порогѣ крыльца знакомой намъ застольной сидѣла одна—одинехонька дѣвочка лѣть семи. Она жевала покинутый ей огромный сукрой хлѣба и кормила курь и цыплятъ, покрывавшихъ всѣ ступени крыльца. Все было тихо. На улицахъ послышался стукъ телѣги, которая остановилась у воротъ; а здоровый мужикъ,

въ круглой шляпѣ съ высокой тульей и пережабиной на ней, вошелъ на дворъ, оглянулся и подошелъ прямо къ дѣвочкѣ. Это быль коробейникъ, разнощикъ, который уже нѣсколько лѣтъ сряду заѣзжалъ на перепутьи въ эту деревню и приставалъ на барскомъ дворѣ у старой ключницы, съ которой у него было давнишнее знакомство и которой внучка теперь сидѣла на порогѣ.

— Здорово, Анютка! сказалъ онъ, подходя къ ней: — здорово! Что у васъ никого не видать?

— Да на покосѣ.

— А бабушка гдѣ?

— И бабушка на покосѣ, и ее подчивать станутъ виномъ.

— А, вотъ какъ! Ну, что жь у васъ дѣлается? Всѣ здоровы?

— Здоровы.

— А что жь у васъ въ барской усадьбѣ ставни-то закрыты?

— Да барина нѣть, вишь, давно.

— А гдѣ жь онъ?

— Въ городъ взяли.

— Какъ взяли? зачѣмъ?

— Да дѣдушка Андрей (т. е. кучерь) задавиль, вишь, дядю Федора — ужъ тотъ молился, молился имъ — вотъ и задавиль.

Коробейникъ, глядя на ребенка, хотѣль было разсмѣяться на эту болтовню, однако, спросилъ прежде:

— Да гдѣ же дядя Федоръ?

— Померъ, къ Богу ушелъ, унесли, отвѣчалъ ребенокъ.

Все это показалось коробейнику очень дико и несвязно, а, между тѣмъ, онъ зналъ, что ребенокъ этотъ неглупъ и всего этого самъ не придумаетъ. Пріѣзжій сталъ его спрашивать, отъ чего дѣлать, и дѣвочка рассказала, что я—де сидѣла на печи въ застольной, а дядя Федоръ лежалъ на лавкѣ, а дѣдушка Андрей пришелъ съ Иваномъ и Кирилломъ (т. е. со старшими сыновьями), а дѣдушка Андрей и насколь на дядю Федора, и всѣ они налегли. Ужъ дядя Федоръ молился имъ, молился, — нѣть! задавили; а я испугалась, да молчу все, да такъ на печи до утра и просидѣла. Вотъ и померъ дядя Федоръ.... А барина за это взяли въ судъ, да вотъ и нѣть его.

Коробейнику какъ—то стало страшно. Не добившись толку, но зная, что дѣдушка

Андрей быль истинный разбойникъ, онъ почуяль недобroe — сняль шляпу, перекрестился, не велъль дѣвочкѣ никому сказывать, что онъ быль, и поѣхалъ прямо дальше, въ городъ, до котораго всего было верстъ десятокъ.

Въ городѣ у разнощика быль издавна знакомый дворникъ, или содержатель постоялаго двора. Приставъ у него, онъ вечеромъ присѣль съ нимъ на особицу и сталъ распрашиватъ, что такое сдѣлалось въ такой-то деревнѣ. Хозяинъ разсказалъ ему, что помѣщика за то и то сослали. Тогда разнощикъ поняль все и ужаснулся. Въ страхѣ онъ пересказалъ слышанное отъ дѣвочки хозяину и просилъ его обѣ этомъ не говорить. Но хозяинъ быль умнѣе своего постояльца и вскочилъ съ лавки, когда все это услышалъ.

— Избави Богъ! сказалъ онъ: — что ты со мною дѣлаешь?... Да я тебя и держать не стану ни одного часу: я такой бѣды съ тобой наживу, что и не раздѣлаешься! Нѣть, любезный пріятель, власть твоя, продолжалъ онъ, ухвативъ поясъ и шапку: — а ты иди со мной тотчасъ же къ

начальству, да тамъ объявимъ все; а не то, гляди, какая бѣда прикинется!

Нечего дѣлать нашему коробейнику: вздохнувъ тяжело и проклиная судьбу, которая занесла его не въ добрый часъ въ деревушку, онъ пошелъ за хозяиномъ. Съ нихъ сняли допросъ, отправились въ деревню, захватили врасплохъ пьяного кучера съ сыновьями, дали имъ выспаться, заперши ихъ всѣхъ порознь, и, послѣ продолжительного запирательства, одинъ изъ сыновей сбился, тамъ сознался во всемъ, а тамъ уличили и другихъ, отца его и брата.

Помѣщика воротили изъ ссылки, а кучера съ двумя сыновьями отправили на его мѣсто.

В. ДАЛЬ
